ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС УКРАИНЫ ПОСЛЕ «ОРАНЖЕВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»[1]

Сергей ТОЛСТОВ

ведущий научный сотрудник
Института мировой экономики и международных отношений
Национальной академии наук Украины
(Киев, Украина)

В 1990-х годах внешняя политика страны основывалась на весьма сложном тактическом балансировании между основными мировыми центрами силы. Официальный Киев сочетал декларируемую европейскую и евроатлантическую

[1] Статья подготовлена к печати до правительственного кризиса в Украине, который произошел в сентябре 2005 года.

ориентацию с попытками сохранить высокий уровень взаимовыгодного экономического сотрудничества с Россией и другими республиками СНГ, созданного после распада Советского Союза.

Предпочтения нашего государства на этом направлении менялись с учетом складывающейся конъюнктуры и характера отношений с основными странами-партнерами и международными сообществами, включая США, РФ, ЕС и НАТО. Можно констатировать, что преодоление международной изоляции Украины (в связи с ядерным разоружением) и погашение гиперинфляции (1994 г.) способствовали налаживанию постоянных форм сотрудничества с Соединенными Штатами и Североатлантическим альянсом. Это выразилось в признании статуса стратегического партнерства в отношениях с США (1996 г.) и подписании Хартии об особом партнерстве с НАТО (1997 г.).

Укрепление международных позиций Украины на Западе и начавшиеся ее контакты с центральноевропейскими структурами содействовали урегулированию ряда конфликтных вопросов, обусловленных распадом СССР. В этом смысле можно напомнить об украинско-российских соглашениях по Черноморскому флоту, подписании базовых межгосударственных договоров с Россией и Румынией, установлении постоянных форм взаимодействия с Грузией, Азербайджаном и Молдовой.

При ретроспективной оценке внешнеполитической ситуации того времени можно отметить весьма устойчивую взаимосвязь успешных шагов официального Киева на евроатлантическом и постсоветском направлениях. Их последовательность отражала попытку осознанной адаптации Украины к формирующейся международной системе. Однако, хотя в годы президентства Леонида Кучмы, фактор отношений с НАТО считался одним из приоритетных, его развитие сдерживалось негативными процессами в самой Украине, в том числе депрессивным состоянием ее экономики. На этом фоне в экономических кругах страны утвердилась мысль, что главной задачей правительственных институтов должно стать обеспечение благоприятных условий для восстановления национальной экономики. Предпосылки для ее подъема усматривались в достижении взаимовыгодного режима соответствующих связей с Россией, реализации долгосрочных проектов сотрудничества со странами Азии, развитии энергетических проектов с Азербайджаном и государствами Центральной Азии (преимущественно с Туркменистаном, но также с Узбекистаном и Казахстаном). Однако в результате финансового кризиса (1998 г.) намеченные на 1998—1999 годы программы экономического сотрудничества с Россией выполнить не удалось. Тем не менее девальвация украинской валюты (гривны) в 1999—2000 годах стала эффективным толчком для подъема украинской экономики, продемонстрировавшей в 2004 году рекордные темпы роста (свыше 12%).

На этом фоне официально провозглашенный курс на европейскую интеграцию выглядел как декларация весьма отдаленных целей, для достижения которых в качестве предварительных условий необходимо было добиться существенного роста ВВП и развития демократических институтов. Начавшийся в стране политический кризис (с 2000 г.) привел к замораживанию ее контактов с Западом и сопровождался обострением отношений с Соединенными Штатами (выдвижение с их стороны неподтвержденных подозрений о продаже Украиной Ираку локаторов «Кольчуга» в 2002 г.). Разумеется, внешняя политика Киева в то время была лишена амбициозности и ограничивалась решением сугубо технических задач. Вместе с тем следует отметить, что обострение политического конфликта происходило на фоне устойчивого экономического роста.

В феврале 2003 года президент страны Л. Кучма неожиданно для правительства и парламента принял предложение В. Путина о формировании Беларусью, Казахстаном, Россией и Украиной Единого экономического пространства (ЕЭП). При

этом в ходе разработки рамочных соглашений по ЕЭП даже не предусматривалось обсуждение условий политического характера, а само это соглашение в целом не предполагает придания создаваемому объединению статуса международной организации.

Президентские выборы 2004 года стали кульминацией внутриполитического конфликта и привели к полной смене властной политической элиты. В первую очередь существенные коррективы были внесены во внешнеполитическую концепцию и в макроэкономическую сферу.

Особенности нового внешнеполитического курса

В основу нового внешнеполитического курса официального Киева, обозначившегося в первой половине 2005 года, положен тезис о том, что Украина в своей международной деятельности будет следовать общим ориентирам государств Центральной и Восточной Европы — новых членов НАТО и ЕС. В этом плане можно отметить частые попытки имитации украинскими властными структурами стереотипов и акцентов международной политики таких стран, как Польша, Румыния, Болгария, Литва, Латвия, Эстония и т.д.

С точки зрения МИД Украины «оранжевая революция» и победа на президентских выборах блока Виктора Ющенко — Юлии Тимошенко открыли (наряду с «революцией роз» в Грузии) новый этап демократизации и продвижения «новых стандартов» демократии в Евразии. В определенном смысле этот подход основывается на постмодернистских теориях «социального конструирования», в последние годы в разной форме представленных Ф. Фукуямой, Э. Тоффлером, Зб. Бжезинским, С. Хантингтоном, Н. Фергюсоном. В совместных декларациях В. Ющенко и президента Грузии М. Саакашвили политические цели обеих стран определяются как «четвертая волна демократизации», то есть продолжение ее второй и третьей волн[2].

Особенность постмодернистских теоретических построений — отказ от устоявшихся понятий и стереотипов, относящихся к политическим процессам. Согласно этой логике достаточно приложить соответствующие усилия, направленные на изменение массового сознания, и действительность начнет преобразовываться в желаемом направлении. Считается, что в ближайшие 10 лет пространство бывшего СССР станет ареной кардинальных геополитических изменений, в ходе которых с политической сцены будут вынуждены уйти нежизнеспособные авторитарные режимы, а Россия откажется не только от «неоимперских» сценариев политического влияния на постсоветском пространстве, но и от самого этого понятия.

Здесь уместно отметить, что, по мнению официальной власти, на начальном этапе формирования внешней политики независимой Украины (первая половина 1990-х гг.) главной целью стало ее утверждение в мире как независимого демократического государства. К середине 1990-х годов были сформулированы базовые ориентиры в этой сфере, цели и видение путей их достижения. Однако многовекторность провозглашенного на том этапе курса (как характеристика его неопределенности) объективно исчерпала свой потенциал. На смену ему пришла стратегия, направленная на европейскую (провозглашена в 1998 г.) и евроатлантическую интеграцию (фактически с 1997 г., официально — в 2002-м).

[2] *Toffler A*. The Third Wave. N.Y., 1980; *Хантингтон С*. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003.

Второй период (1998—2004 гг.) рассматривается как фаза борьбы демократических и патриотических сил за право страны получить статус европейского государства. С учетом поддержки аппаратом МИД оппозиции признается, что национальная дипломатия сделала все возможное для сохранения европейской перспективы Украины и предотвращения ее сползания в «серую зону», под которой подразумевается зависимость от «возрождающейся российской империи».

В 2005 году, с точки зрения команды главы государства В. Ющенко, начался третий период внешней политики страны, который будет длиться не менее 10 лет и должен завершиться ее вступлением в НАТО и ЕС. Вместе с тем, вопреки ожиданиям быстрых успехов, правящая группировка вынуждена признать, что в силу региональной и внутренней специфики перспективы вхождения в эти структуры не будут для Украины столь же однозначными и скорыми, как для стран Центральной и Восточной Европы. В этих условиях делается вывод: чтобы убедить ЕС и НАТО решиться на прием в их состав ряда постсоветских государств, Украине необходимо приложить усилия для реального изменения ситуации в зоне СНГ.

В качестве главных акцентов новой украинской внешней политики выдвинуты два взаимосвязанных концептуальных положения. Первое из них — новая роль Украины как регионального лидера (главное здесь — продвижение процессов антиавторитарной демократизации и освобождение страны, а также государств Восточной Европы и других республик СНГ от российского влияния) рассматривается как вклад в обеспечение региональной стабильности и расширение пространства безопасности (в контексте активизации деятельности НАТО). Второе — достижение Украиной и некоторыми другими странами субрегиона политической совместимости (гомогенности), а в перспективе — полного членства в НАТО и ЕС.

Импульсом для активизации Киева на постсоветском пространстве стала серия крупных провалов внешней политики Москвы. В этой связи, пожалуй, к главным отправным точкам относятся углубление проблем и системных противоречий в самой России, общее ухудшение отношений между РФ и Западом, явно неудачные демарши В. Путина в ходе президентских выборов в Украине, свержение президента А. Акаева в Кыргызстане. Кроме того, в этот ряд входят существенные тактические просчеты российской политики, сопровождавшие провал плана Д. Козака, представителя команды В. Путина, по урегулированию конфликта в Приднестровье (2003 г.); неудача ориентировавшегося на Москву «Демократического блока» на парламентских выборах в Молдове; проведение несанкционированного Россией референдума в Беларуси (2004); поражение на президентских выборах в Абхазии (2004 г.) кандидата, поддержанного Москвой, и т.д.

С подачи ряда западных аналитиков и неправительственных организаций Россия рассматривается как бывшая сверхдержава, уже не способная сдерживать демократические процессы в странах СНГ или играть в них доминирующую роль. При этом оппозиционные политические течения в ряде государств Содружества отдают предпочтение евроатлантической ориентации, которая представляется им как неизбежная альтернатива доминированию РФ. На этой основе близкие к новой украинской власти эксперты полагают, что Украина может перехватить у России роль регионального лидера, оказывающего определенную политическую поддержку антирежимным движениям и новым правительствам, которые придут к власти в результате переворотов в странах СНГ. Кстати, тезис о возможном особом сближении группы государств-членов Содружества с Украиной российские обозреватели говорили еще в мае 1992 года, на стадии подписания Договора о коллективной безопасности. Однако сегодня в качестве основы такого альянса рассматриваются критерии политической совместимости и участия в «продвижении свободы». На фоне постепенного изменения позиции стран-чле-

нов ЕС и НАТО как относительно РФ, так и других постсоветских государств делается вывод о возможном вхождении ряда республик СНГ в евроатлантические структуры (в рамках присоединения к евроатлантическому политическому и цивилизационному пространству).

С точки зрения исполнительной власти, шансам нашей страны получить в НАТО и ЕС статус их полноправного участника препятствуют распространенные в Европе стереотипы, которые традиционно относят Украину к российской зоне влияния. Для нейтрализации таких стереотипов официальный Киев стремится продемонстрировать свою максимальную самостоятельность в украинско-российских отношениях. Даже предполагалось, что наша страна может отказаться от участия в Содружестве. (В. Ющенко и министр иностранных дел Б. Тарасюк характеризовали его как неэффективную и бесполезную структуру.) Однако такое решение могло бы означать потерю Украиной механизмов влияния на политику республик СНГ и возможности позиционирования как альтернативного России политического центра.

В качестве условия подтверждения официальным Киевом нового качества его внешней политики ЕС и НАТО выдвинули ему ряд неформальных условий, касающихся урегулирования Приднестровского конфликта и активного содействия смене режима в Беларуси. Считается, что, натолкнувшись на политические препятствия, курс Украины на европейскую и евроатлантическую ориентацию может реализоваться только за счет более активной региональной политики в зоне СНГ. Свою активность в этой сфере команда В. Ющенко подтвердила, в частности, тем, что 19 мая 2005 года представила план урегулирования приднестровского конфликта, отличающийся умеренностью и нацеленностью на решение проблемы сугубо мирными средствами[3].

Таким образом, субрегиональная роль нашего государства определяется как демонстрация его более ощутимого вклада в обеспечение стабильности и демократизации зоны Причерноморья, повышение влияния на политические процессы и содействие «европеизации» России, усиление пограничного контроля и сдерживание нелегальной миграции. Украине отводится определенная «служебная» функция в Восточной Европе и черноморско-каспийском ареале, официально определяемая как миссия активного продвижения европейских ценностей. Соответственно к приоритетным направлениям, обуславливаемым таким подходом, относятся урегулирование приднестровского конфликта и политическая активизация деятельности ГУАМ.

Во властной коалиции часто высказывается мнение, что постсоветское пространство перестало существовать как политическая реальность, поскольку постсоветские структуры (например, СНГ) уже сыграли свою роль и должны прекратить существование. В связи с этим Украина и другие независимые демократические страны, созданные в результате развала СССР (Грузия, Молдова), должны способствовать нивелированию советских рудиментов региональной идентичности и обеспечить восприятие своих республик как государств, обладающих стандартной европейской идентичностью.

Тем не менее на практике реализация нового внешнеполитического курса Украины выглядит не столь гладко, сопровождаясь решениями и действиями, способными ухудшить ее внутреннюю экономическую ситуацию и динамику экономического развития. Кроме того, в рамках новой властной коалиции заметны несколько конкурирующих центров принятия политических решений, что просматривается в деятельности президента, Совета национальной безопасности и обороны, правительства и отдельных министерств.

---

[3] См.: План урегулирования приднестровской проблемы (19 мая 2005 г.) [http://www.mfa.gov.ua/information/?mfa/].

Феномен ГУАМ («Содружество за демократию и развитие»)

Весь спектр организаций и сообществ, сформировавшихся на постсоветском пространстве, можно разделить на следующие группы: представительские структуры общего регионального взаимодействия (СНГ, Шанхайская организация сотрудничества); субрегиональные экономические образования (ЕврАзЭС, Центрально-Азиатское сотрудничество, Организация черноморского экономического сотрудничества); функциональные организации и союзы политического и военно-политического характера (Организация договора о коллективной безопасности, ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова), «Каспийский страж»); интеграционные объединения (Союзное государство Беларуси и России).

Большинство из них следует назвать структурами, являющимися инструментами политики России, а некоторые потенциально могут использоваться Соединенными Штатами и их союзниками. С точки зрения нынешней международной системы политика США представляется весьма любопытным феноменом. Программирование лидерства Вашингтона осуществляется как в форме продвижения идеалистических концепций, предполагающих целенаправленное влияние на формирование системы международных отношений, так и методами политического реализма, путем содействия формированию межгосударственных объединений, уравновешивающих и ограничивающих влияние региональных центров силы. В этом смысле расширение военного присутствия США в Закавказье и Центральной Азии (наряду с созданием прозападных союзов в Причерноморье, каспийском субрегионе и по периметру западных границ России) вполне укладывается в модель ограничения роли РФ, которая утрачивает возможности традиционного влияния[4].

Долгое время организация ГУАМ рассматривалась как резервный механизм украинской политики в черноморско-каспийском субрегионе. Первоначальная предпосылка ее создания — дипломатическое сближение стран-участниц в рамках ОБСЕ, Совета Европы, а также переговоров об обычных вооружениях и вооруженных силах в Европе в 1995—1996 годах. О создании ГУАМ в форме четырехсторонней ассоциации было объявлено в Совместной декларации, принятой в Страсбурге 10 октября 1997 года. Декларация зафиксировала совпадение позиций этой группы государств по ключевым международным проблемам. (В 1999 году в эту структуру вошел Узбекистан, и она стала называться ГУУАМ.) Ялтинский саммит ГУУАМ (6—7 июня 2001 г.) принял Хартию (устав), которая конкретизировала цели деятельности организации. В июле 2002 года подписано соглашение о создании зоны свободной торговли, в 2004-м создана Парламентская ассамблея ГУУАМ.

С 1998 года постоянной темой консультаций стало формирование транспортного коридора Европа — Кавказ — Азия (программа ТАСИС), проект которого символизировал общие интересы стран ГУУАМ. До последнего времени неопределенность перспектив организации была главным фактором, сдерживавшим ее активность. Существующие участки нефтепроводов Баку — Супса (Южный Кавказ) и Одесса — Броды (Украина) только часть общего замысла. Проект может воплотиться в жизнь лишь после достройки украинского нефтепровода до Плоцка и Гданьска (Польша), для чего необходима поддержка правительств и финансовых структур стран ЕС, Украины и, возможно, Казахстана. Учитывается, что завершение строительства этого трубопровода позволит снизить

[4] См.: *Brooks S.G., Wohlforth W.C.* American Primacy in Perspective // Foreign Affairs, July-August 2002, Vol. 81, No. 4. P. 24—25.

нагрузку на пролив Босфор, к чему давно стремится Турция, и создать условия для продолжения системы трубопроводов в направлении Казахстана, Узбекистана и Туркменистана. В перспективе развитие этой транспортной инфраструктуры повысит энергетическую безопасность стран сообщества и укрепит их позицию на переговорах с Россией по ценам и другим условиям транзита.

Нынешняя активизация этой структуры имеет ярко выраженную политическую подоплеку, так как ожидаемое в ближайшее время вступление в НАТО Румынии и Болгарии придает Североатлантическому альянсу статус прямого участника отношений региональной безопасности в Причерноморье. Явно просматривается намерение президентов Украины и Грузии использовать изменяющуюся в черноморско-каспийском субрегионе ситуацию для ограничения в нем влияния России и развития новых энергетических проектов в направлении Центральной Азии. В этом плане вероятное преобразование ГУАМ в «Содружество за демократию и развитие» — одно из звеньев стратегии «продвижения демократии», утвержденной Советом национальной безопасности США 28 декабря 2003 года. В таком контексте весьма примечателен выход из ГУУАМ Узбекистана (в 2005 г.), после чего эта организации вновь стала ГУАМ, а также появившаяся информация о возможном вступлении в ее состав Кыргызстана. Об этом на пресс-конференции, состоявшейся после заседания Совета глав правительств СНГ в Тбилиси (3 июня 2005 г.), сообщил премьер-министр Грузии Зураб Ногаидели. Он, в частности, отметил, что «ГУАМ — не единственная организация в рамках СНГ. Созданы Союз России и Беларуси, ЕврАзЭС, так что никого не должно удивлять участие Кыргызстана в ГУАМ»[5].

С точки зрения интересов США эта организация может играть роль региональной структуры по вопросам безопасности. Поскольку правительства многих стран Западной Европы весьма сдержанно воспринимают перспективы активизации НАТО в Закавказье и Центральной Азии, по мнению США, а также ряда стран Центральной и Восточной Европы, использование ГУАМ в военно-политическом контексте представляется более удобным. Участие Вашингтона в этой структуре (статус постоянного наблюдателя, по аналогии с блоком СЕНТО) предоставит возможность для формирования временных или постоянных коалиций с целью военно-политического контроля над зонами прохождения нефтепроводов и других коммуникаций. Импульсом к активизации военного сотрудничества служат тлеющие локальные конфликты в Молдове, Грузии и Азербайджане, что побуждает эти страны искать внешнюю поддержку для решения проблемы сепаратизма. Очевидно, что без восстановления территориальной целостности Грузия и Молдова вряд ли смогут обеспечить стабильность и инвестиционную привлекательность своих экономик. С точки зрения Тбилиси и Баку, ближайшими задачами должны стать урегулирование проблем Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха, однако на быстрое их решение рассчитывать не приходится. Тем не менее в связи с острой экономической заинтересованностью в диверсификации поставок нефти Украина все же будет вынуждена участвовать в миротворческих операциях на Кавказе, даже при неизбежном в этом случае обострении ее отношений с Россией.

С точки зрения интересов нашего государства экономическое сотрудничество и развитие южного сегмента энергетического транзита под эгидой ГУАМ является наиболее важным направлением. В связи с этим в ходе первых визитов В. Ющенко в Туркменистан и Казахстан обсуждались новые проекты и решения, в том числе увеличение прямых поставок нефти и газа в Украину, а также расширение энергетического транзита. Напомним, что эти вопросы, включая возможность поставок нефти из Казахстана и Азербайд-

[5] К ГУАМ может присоединиться Киргизия [http://www.ictv.ua/ru/content/publications/world/utfu_gfdrtdgh.html], 3 июня 2005.

жана, весьма активно зондировали и прежние руководители Украины. Вместе с тем развитие Евроазиатского нефтетранспортного коридора, предполагающего продление нефтепровода Одесса — Броды до Плоцка, сдерживалось из-за отсутствия прямой заинтересованности в нем европейских потребителей нефти и весьма специфической позиции Польши, поддерживавшей проект в основном на уровне деклараций. Однако в контексте усиления прямого военного присутствия США в регионе это направление может получить и военное измерение.

Кроме того, привлекают внимание и последние события на Каспии, в частности завершение строительства нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан, присоединение Казахстана к Бакинской декларации о поддержке транспортного коридора Восток — Запад, в также подписание Казахстаном и Азербайджаном (24 мая 2005 г.) соглашения о стратегическом партнерстве. При этом Казахстан остается участником Организации договора о коллективной безопасности и ЕврАзЭС.

В ходе визита в Азербайджан министра обороны США Д. Рамсфелда (12 апреля 2005 г.) был согласован план размещения на трех авиабазах республики американских мобильных сил. Их контингент планируется менять «в зависимости от военных нужд Соединенных Штатов в регионе». Для охраны нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан предполагается создать оперативную группу «Каспийский страж» с привлечением подразделений жандармерии Турции, Государственной службы специальной охраны и внутренних войск МВД Азербайджана, а также других стран, участвующих в энергетических проектах региона. Кроме того, учитывая пребывание инструкторов США в Грузии, можно сказать, что реализация проекта «Каспийский страж» будет способствовать ускоренной подготовке Азербайджана к членству в НАТО[6].

На этом фоне бакинские аналитики прогнозируют формирование нового субрегионального альянса в составе Азербайджана, Турции, Грузии, Казахстана, США и вполне вероятное подключение к нему Украины. Можно предположить, что такой союз способен стать либо территориальным продолжением ГУАМ, либо его военно-политической составляющей. В последнем случае ГУАМ (в форме «Содружества за демократию и развитие») может трансформироваться в сугубо политическую организацию или же ограничит свою деятельность пространством Восточной Европы.

Примечательно, что в ходе подготовки кишиневского саммита ГУАМ (22 апреля 2005 г.) В. Ющенко приглашал участвовать в его работе президентов Румынии, Литвы, Польши, а также представителей Болгарии и Венгрии. В США, Украине и ряде государств Балтии до сих пор есть немало сторонников выдвинутого еще в 1992 году Зб. Бжезинским и польскими правыми проекта «Балто-Черноморской дуги» как политико-экономического альянса стран черноморского региона и Балтии. Несмотря на выход из этой схемы Беларуси, первые эпизодические попытки создать такой альянс (с участием Украины, Польши, Литвы, Латвии и Эстонии) были предприняты в 1996—1997 годах. Учитывая создание трехсторонней межпарламентской ассамблеи (Польша, Литва, Украина) участие представителей парламентов трех балтийских государств на втором заседании Парламентской ассамблеи ГУАМ (27—29 мая 2005 г.), можно говорить о том, что сегодня этот проект получил импульс к возрождению.

Следует отметить, что почти все формы многосторонних отношений на постсоветском пространстве, в которых Украина принимает участие, способны приобретать более или менее четкую антироссийскую направленность. С этой точки зрения проект создания Балто-Черноморского альянса можно рассматривать как наиболее вызывающий и как прямой антипод Единому экономическому пространству. Экономический

[6] См.: *Мамедов С., Гордиенко А.* У «Каспийского стража» появился хозяин // Независимое военное обозрение, 27 мая 2005, № 19 (428).

подтекст этого альянса — создание союза стран транзитеров и потребителей российских нефти и газа, что позволит им согласовывать ценовую политику и другие условия транзита, основанных на правилах свободной торговли и на единой тарифной политике точно так же, как это предполагается при межгосударственном взаимодействии в рамках ЕЭП.

Российские аналитики характеризуют проект Балто-Черноморского альянса как попытку возродить антироссийскую «санитарную империю» типа Речи Посполитой в XVI—XVII веках[7]. В эту схему вписывается и наметившаяся в последние месяцы жесткая позиция в отношениях с Россией ряда соседних стран, координируемая госдепартаментом США. В контексте возникновения нового союза показательно поведение Грузии, Латвии, Эстонии и Литвы в ходе организованных В. Путиным торжественных мероприятий в Москве 9 мая 2005 года, посвященных 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Смысл этой линии поведения руководителей отмеченных стран — выдвижение России более жестких требований, которые предполагают отказ от привычной дипломатической практики для ускорения решения некоторых проблем (вывод российских баз с территории Грузии, подписание договоров о демаркации межгосударственных границ и т.д.). Цель такой позиции — ограничить влияние РФ на страны «ближнего пояса», что открывает новые перспективы для активизации политики США.

Вместе с тем можно отметить и попытку Украины ускорить решение ряда вопросов, включая определение границ в акватории Азовского моря и Керченского пролива, уточнение соглашений об условиях пребывания российской военно-морской базы в Севастополе, передачу нашей стране принадлежащей РФ навигационной береговой инфраструктуры в Крыму. Однако при этом официальный Киев избегает явной антироссийской риторики и не заявляет, что отказывается участвовать в Едином экономическом пространстве. Причина этой осторожности заключается в том, что, несмотря на попытки диверсифицировать источники поступления нефти и газа, энергетическая зависимость Украины от российских поставок остается критической, и в ближайшее время ситуация в этой сфере вряд ли принципиально изменится.

Специфика многостороннего взаимодействия на пространстве бывшего СССР отражает многовариантность подходов и форм участия. Поэтому, несмотря на кажущуюся взаимоисключаемость целей СНГ, Организации договора о коллективной безопасности (Ташкентский пакт), ЕврАзЭС, ГУАМ, программы «Каспийский страж», эти структуры вполне могут уживаться друг с другом. Однако их эффективность остается весьма низкой, что вполне объяснимо. Участвуя в таких организациях, то или иное государство либо лишь обозначит в них свое присутствие, либо может попытаться с их помощью предотвратить враждебные действия со стороны соседей.

В этой связи полиморфизм поведения ряда государств способствует решению задач адаптации к системным противоречиям или обеспечивает снижение уровня конфликтности в межгосударственных отношениях. При этом в большинстве случаев просматриваются попытки тактического совмещения взаимодействия по линии США — НАТО (программа «Партнерство ради мира») — субрегиональные объединения, наряду с участием в программах и структурах, инициированных Россией, главным образом в сфере экономики. Однако с точки зрения экономических интересов попытки радикально противопоставить эти две линии контрпродуктивны. Поэтому создание однозначных военно-политических альянсов в зоне СНГ (например, оборонный союз между Арменией и Россией) следует считать скорее исключением, а не доминирующей тенденцией.

---

[7] См.: *Кондрашов Д.* Фронт против России: направления агрессии [http://www.regnum.ru/news/428347.html], 28 марта 2005.

В этом плане примечательны мнения государственных деятелей Украины по вопросам многосторонних отношений, в частности заявления премьер-министра страны Юлии Тимошенко о том, что «не нужно рассматривать СНГ и ГУАМ в плоскости альтернативы». К этому же ряду относятся высказывания председателя парламента Владимира Литвина о том, что в перспективе к ГУАМ могут присоединиться Россия, Казахстан, Турция, Армения и другие страны, расположенные в черноморско-каспийском регионе[8]. Порой не менее интересны и мнения представителей официального Тбилиси. Так, министр иностранных дел Грузии Саломе Зурабишвили заявила, что Грузия приветствовала бы вступление России в ГУАМ[9]. Эта на первый взгляд странная примирительная риторика отражает не столько отсутствие принципиальности или дефицит концептуального мышления, сколько свидетельствует о неразрешимости субрегиональных проблем в условиях неопределенности статуса отношений и долгосрочных форм сотрудничества между США, Евросоюзом и Россией.

Аналогичные тезисы звучат и относительно перспектив участия Украины в Едином экономическом пространстве. Так в период пребывания в оппозиции нынешние руководители страны называли ее возможное вхождение в ЕЭП не иначе, как изменой национальным интересам. Тогда оппозиция заявляла, что участие в этом проекте закроет официальному Киеву перспективу вступления в Европейский союз. Теперь, потерпев неудачу в попытке освободиться от контроля со стороны российской компании «Газпром» над транзитом газа из Туркменистана в Украину, В. Ющенко (после некоторых колебаний) все же высказался за участие нашей страны в проекте создания ЕЭП. В этом он отчасти копирует тактику Л. Кучмы, который в 1998—2001 годах использовал тему о создании зоны свободной торговли в рамках СНГ как главный полемический тезис. К тому же зафиксированная в рамочном соглашении о формировании Единого экономического пространства «киевская формула» предусматривает право каждой страны-участницы этой структуры определять глубину и степень своего участия в интеграционных проектах. Исходя из заинтересованности украинской экономики в создании зоны свободной торговли, Киев, очевидно, не выйдет из переговорного процесса по этим вопросам.

Экономические цели таких стран, как Украина, Азербайджан или Казахстан, обуславливают их участие, причем независимо от политической окраски находящихся у власти групп, в различных межгосударственных объединениях. А заинтересованность в сближении ЕС и России заставляет правительства стран региона уклоняться от поддержки спорадических кампаний, направленных на политическое сдерживание и снижение статуса РФ в рамках международной системы (типа тех, что в последнее время инициировали сенаторы США Джон Маккейн, Джо Либерман, а также Збигнев Бжезинский и другие политические деятели).

Тенденции и перспективы

Главный вывод в связи с ускоренной переориентацией политики Киева на евроатлантическое направление — углубление противоречий между заявленными политически-

[8] См.: Премьер Украины высказывается за продолжение сотрудничества в рамках СНГ и реформирование Содружества [http://www.interfax.ru/r/B/0/0.html?idissue=11306547], 3 июня 2005; Тимошенко: ГУАМ не является альтернативой СНГ [http://for-ua.com/news/2005/06/03/121744.html]; *Степаненко С.* Украина хочет потеснить Россию с помощью ГУАМ // Время новостей, 30 мая 2005, № 93 [http://www.vremya.ru/2005/93/5/126229.html].

[9] См.: Саломе Зурабишвили: Вывод российских военных баз из Грузии решает только один из важных вопросов в отношениях Москвы и Тбилиси [http://www.interfax.ru/r/B/0/0.html?id_issue=11304479], 31 мая 2005.

ми целями и обеспечением торгово-экономических интересов страны. Согласно обнародованному 4 апреля 2005 года совместному заявлению «Повестка нового столетия для украинско-американского стратегического партнерства» наша страна — одна из ключевых участниц стратегии «продвижения свободы» (в этом заявлении упомянуты также Грузия, Кыргызстан и Ливан). Однако без долгосрочных усилий по обеспечению энергетической безопасности и масштабной помощи в сфере экономики курс на вступление в НАТО и ЕС может нанести существенный ущерб экономическим отношениям Украины не только со странами СНГ, но и с другими важными торговыми партнерами, в том числе с Китаем и Ираном.

Для оказания целенаправленного влияния на политические процессы в государствах Содружества необходимы значительные ресурсы. В отличие от политических процессов в странах Европы (в конце 1940-х и в конце 1980-х гг.) в республиках СНГ пока не просматривается «критическая масса» социальных и политических факторов, способных обеспечить последовательную реализацию демократических реформ. По оценкам социологов, потенциал демократизации зависит от уровня экономического развития и более очевиден в странах, вплотную подошедших к индустриальному и постиндустриальному обществу. В таких условиях «цветные революции» могут скорее привести к изменению внешнеполитической ориентации правящих режимов, нежели характера власти. Учитывая исключительно весомый для европейских республик бывшего СССР фактор «европейской перспективы», отсутствие прогресса на этом направлении таит в себе угрозу перехода власти к популистским лидерам и группам, что может сопровождаться усилением авторитаризма. Примечательно, что вопреки ожиданиям лидеров новой власти Украины ни США, ни Европейская комиссия не признали ее страной с рыночной экономикой. В связи с этим следует отметить, что тезис о дискредитации прежним правящим в Украине режимом европейской перспективы нашего государства и стал одним из важнейших импульсов, революционизировавших настроения среднего класса.

Европейская перспектива любой европейской страны бывшего СССР зависит от степени демократических преобразований в ней, от ее экономической стабильности и уровня ВВП. При этом приоритетное направление с точки зрения экономической стабильности — обеспечение выгодного режима поступления энергоресурсов из России, Азербайджана и республик Центральной Азии. Однако обеспечение этих интересов несовместимо с публичной критикой правящих режимов упомянутых стран, тем более — с помощью их оппозиционным движениям, которые к тому же далеко не во всех случаях пользуются достаточной поддержкой населения. Вместе с тем в ряде стран проявляется феномен «двухпартийной лояльности» в отношении США и НАТО, то есть не только со стороны власти, но и оппозиции (например, в Азербайджане), что существенно расширяет диапазон средств и методов повышения американского влияния.

Пытаясь разрешить противоречие между заявленными внешнеполитическими целями и экономическими интересами, Киев вынужден искать способы сочетания новой политической самоидентификации (на основе европейских ценностей) с необходимостью обеспечить взаимовыгодный уровень сотрудничества с Россией и другими странами СНГ. Разумеется, различия в политических системах постсоветских государств осложняют их взаимодействие. При оказании Украиной поддержки оппозиционным движениям на постосоветском пространстве весьма сложно представить ее активное экономическое сотрудничество с Туркменистаном или Беларусью. Но что еще важнее — даже опасно способствовать подготовке «цветной революции» в России.

В этом плане можно предположить два альтернативных сценария развития отношений.

Наиболее вероятно сохранение существенных политических различий в республиках СНГ (при увеличении числа стран, подвергшихся политической трансформации, и на

фоне усиления угрозы радикального ислама в Центральной Азии). Менее возможным представляется формирование «демократического сообщества» с участием большинства государств Содружества. Главное условие реализации второго сценария — изменение системы власти и политическая модернизация в России. При этом, по оценкам российских экспертов, вряд ли на смену нынешней управляемой «плебисцитарной» демократии придут прозападные либералы-монетаристы. Скорее прогнозируется установление режима национал-популистского типа, который может оказаться для Запада менее приемлемым (в плане структурных отношений), нежели предсказуемый (стабильный) бюрократический режим В. Путина.

Что же касается новой конфигурации отношений системного характера, то здесь важно отметить намерения Белого дома существенно ограничить параметры прямого военно-политического влияния России в рамках СНГ. После встречи Дж. Буша и В. Путина в Братиславе (24 февраля 2005 г.) отмечалось усиленное взаимодействие США с правительствами Латвии, Литвы, Эстонии, Грузии и Молдовы. Особенностью новой ситуации стало то, что Вашингтон начал активнее влиять на процессы, происходящие на постсоветском пространстве, непосредственно направляя и координируя действия правительств ряда его государств в их контактах с РФ. Таким образом, в рамках Содружества, скорее всего, следует ожидать дальнейшей фрагментации структур многостороннего взаимодействия (в форме скрытого соперничества между США и Россией).

Потенциально наиболее опасно «размораживание» локальных конфликтов на Кавказе, где весьма возможны дестабилизация и массовые кровопролития. При этом, как показывает опыт последних лет, далеко не все схемы размораживания региональных конфликтов приводят к восстановлению состояния гражданской войны. Схема, в 2003 году предложенная ЕС для Кипра, предполагает сугубо политические формы урегулирования. Однако нет уверенности в том, что такой подход будет соблюден в отношении Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха. Тем более что правительства отделившихся от Грузии провинций пользуются существенной поддержкой со стороны Кремля и Государственной Думы России.

С точки зрения интересов Украины приоритетом остается обеспечение политических процессов на Южном Кавказе и в Центральной Азии, которые позволили бы избежать длительной конфронтации и нестабильности. Разумеется, одной из причин такой конфронтации могло бы стать открытое обострение противоречий между США и Россией, вынуждающее страны субрегиона публично демонстрировать свою поддержку одной из сторон. На нынешнем этапе более вероятно перенесение противоречий в плоскость политико-правовых отношений, включая требования о соблюдении международных норм и активизацию в рамках СНГ дискуссии по правам человека. Правда, первый успех такой тактики (согласование сроков вывода военных баз РФ из Грузии) не привел к оздоровлению ситуации, поскольку находящиеся там российские войска передислоцируют в Армению. Также не ясно, как долго в отдельных странах региона продлится мирное соседство военных баз США и России. Пришедшим к власти в результате «цветных революций» режимам будет довольно сложно сохранить статус-кво, используя двойное иностранное военное присутствие в целях внешнеполитического балансирования. Если судить по нынешним тенденциям, то военное присутствие РФ рано или поздно будет заменено присутствием Соединенных Штатов и НАТО.

Вместе с тем пока еще весьма сложно прогнозировать перспективы расширения деятельности Североатлантического альянса в черноморско-каспийском ареале. Как представляется, администрация США считает, что целесообразнее формирование в этом регионе альянсов и коалиций, непосредственно контролируемых Вашингтоном. Расширение функций НАТО явно сдерживается желанием политического руководства Франции и Германии сохранить Альянс с традиционным объемом функций и избежать

его трансформации в глобальную военно-политическую структуру. К тому же прямое присутствие НАТО на Каспии угрожает вовлечением этой организации в комплекс противоречий с Россией, Арменией, Ираном и Турцией. Поэтому в ближайшее время деятельность НАТО на этом направлении будет ограничиваться зоной Причерноморья, преимущественно на основе временных коалиций с участием стран Центральной и Восточной Европы. Что касается ЕС, то его прямое участие возможно лишь в контексте урегулирования приднестровского конфликта и опосредованного влияния на ситуацию в Беларуси.